

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

РЕЧЬ ПОСПОЛИТА: ОТ КОЛЫБЕЛИ ДО МОГИЛЫ

НО ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Речь Посполита: от колыбели до могилы

Александр Усовский

Но именем твоим...

«Автор»

2020

Усовский А. В.

Но именем твоим... / А. В. Усовский — «Автор», 2020 — (Речь
Посполита: от колыбели до могилы)

ISBN 978-5-042-40091-9

История славной жизни Северина Наливайко, внучатого племянника
Его Милости князя Василя Острожского, Рюриковича и Гедиминовича
по рождению, поднявшего рокош против Берестейской унии и короля
Жигимонта, но так и не ставшего князем Русским, и о его злой и лютой
смерти, а также о доблести и геройстве его сотоварищей, об измене и
предательстве казачьей старшины, о боях и походах, о турецкой войне
и татарских набегах – однажды рассказанная проезжим шляхтичем на
постоялом дворе под Дорогобужем....

ISBN 978-5-042-40091-9

© Усовский А. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Книга первая. Но именем твоим...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Усовский

Но именем твоим...

Выражаю сердечную благодарность Юрию Александровичу Чижу, Сергею Александровичу Котикову и Дмитрию Евгеньевичу Левченко, без помощи и поддержки которых эта книга не увидела бы свет...

Книга первая. Но именем твоим...

История славной жизни Северина Наливайко, внучатого племянника Его Милости князя Василия Острожского, Рюриковича и Гедиминовича по рождению, поднявшего рокош против Берестейской унии и короля Жигимонта, но так и не ставшего князем Русским, и о его злой и лютой смерти, а также о доблести и геройстве его сотоварищей, об измене и предательстве казачьей старшины, о боях и походах, о турецкой войне и татарских набегах – однажды рассказанная проезжим шляхтичем на постоялом дворе под Дорогобужем...

Постоялый двор Янки Верещаки на смоленском шляхе в трех верстах от Дорогобужа, 12 ноября 1624 года от Рождества Христова, или 7132 года от Сотворения Мира

– Не, дзякуй, добрый человек, но пиво я не пью. Ячмень хорош для лошадей, а добрых христиан поить его недобродившим взваром – не годиться... Если хочешь угостить – вели Янке спуститься в подклеть, достать бочонок доброго краковского мёда...

Вот это другое дело. Стоялые мёды и деды наши пили, и прадеды, от Владимира Святого и Ярослава Мудрого это наш природный напиток... А пиво пусть пьют жмудские язычники да всякие немцы – им что лошадей кормить, что людей поить – один чёрт, прости мне, Господи, мою невоздержанность в языке...

Добре! Как будто огонь по жилам побежал! В эдакую слякоть да мерзость, что творится нынче за окном, кубок доброго мёда – истинная амброзия, не сойти мне с этого места!

Мы тут, по всему видать, надолго. Ядрица после дождей разлилась, как по весне... Вы куда едете, прошу прощения, если лезу не своё дело? На Москву... Ну, тут недалеко, через Днепр в Дорогобуже переправитесь – и вся недолга, к заходу солнца вы на московской стороне... Вот только до Дорогобужа нынче никак не доехать... По всем приметам нам тут дня три куковать, никак не менее, пока вода в Ядрице спадёт и можно будет ее вброд у Троице-Лыкова монастыря перейти... В прошлую войну тут как раз его милость коронный гетман Ходкевич переправлялся, когда на Москву шёл... Не здесь? Вы тогда, прошу прощения пана, на чьей стороне сражались? Я тоже был далеко от этих мест, в Ливонии. Избавил Господь от участия в братоубийстве... Мне аккурат к Деулинскому перемирию пятьдесят годков отзвонило – для посполитого рушения ещё годился, а в рейтары записаться уже срок вышел...

Пожилой седоусый шляхтич в когда-то добротном, а нынче выцветшем и донельзя заношенном жупане – с видимым удовольствием допил остатки мёда из кубка, крикнул, и, откинувшись на спинку стула, продолжил свой монолог, с едва заметной иронией рассматривая своего собеседника:

– Вы, пан Станислав, как я понимаю, в Москву не по купеческому промыслу? Купец нынче в порубежье зверь редкий, шалят по лесам немало и повседни напролёт, что с нашей, что с московской стороны... тут не то, что мошну – жизнь-то, бывает, уберечь трудно. А вы в таком богатом платье, и кони ваши, прошу прощения, никак не меньше, чем по полкопы литовских грошей за каждого, да и люди ваши, что сейчас на дворе – с оружием в серебре. Не по торговым делам вы тут...

Сидящий напротив пожилого шляхтича довольно грузный, одетый в богатый лазоревый кунтуш с соболойной опушкой по вороту, отороченный алым аксамитом, человек кивнул.

– Да, пан Славомир, не по торговым. В Москву мне надо, в Поместный приказ, границы владений прежних державцев, до войны за Москвой бывших, внести в реестр, какие ныне наши, а какие за Москвой ещё пишутся... Я комиссар по межеванию земель, вокруг Дорогобужа после отъезда московской шляхты остались уделы, не внесенные в реестры, сразу после перемирия о них забыли, махнув рукой за худородностью, а теперь, по прошествии пяти лет, в Вильне о них вспомнили. Самое время – когда вот-вот снега лягут и межевых знаков будет вовсе не найти; в безлюдную глухомань али в болото по такой погоде завернуть – раз плюнуть... – зло бросил тот, кого пожилой собеседник назвал «паном Станиславом».

Шляхтич пожал плечами.

– А что с ними разговаривать, с московскими боярами? *Vae victis*, как говорится. Отнять все уделы, какие сомнения вызывают, да и забыть. Москва нынче слаба, молодой царь и двор едва не голодают. Теперь им не до гонору, своё бы уберечь, вон, рубеж меж нами на восток от Днепра лёг, как при князе Казимире Ягеллончике. Королевич Владислав, да хранит его Господь – русский царь, пусть только в именовании, еРечьРечь Посполита Днепр от истоков держит! Мы от Москвы откусили такой кусок, что даже турки завидуют! – и хотя говорилось всё это нарочито пафосно – опытное ухо различило бы в этом спиче явную иронию. Пожилой шляхтич как бы прощупывал собеседника – и тот это понял.

Молча налил в кубок шляхтича мёду, щедро, по самый край – и тихо произнёс:

– Как бы нам этим куском не подавиться... – а затем, глянув в затянутое молочно-желтоватой слюдой окошко, вздохнув, добавил: – Дождь только усиливается. По всему видать – вы правы, не меньше трех дней нам тут обретаться. И на Бельский тракт не выбраться – гостинец вконец непроезжий... Спросить у Янки вяленой рыбы, или печёного гуся, или ещё чего посытней, пан Славомир? – обратился он к своему собеседнику.

– Благодарю, пан Станислав, к обжорству привычки не имею. А поговорить с умным человеком за кубком – всегда рад, глядишь, что полезное для себя и изыщешь... Так вы говорите – уделы московской шляхты в Вильне решили на волокни порезать? Пану подскарбию Криштофу Нарушевичу казну пополнить подсобить?

Комиссар с досадой махнул рукой.

– Глупство, пане Славомир, глупство – и ничего более. Весь аннекс, что отошел к Речи Посполитой, а более – к Княжеству – по Деулинскому перемирию – пустая земля. Ну да вы и сами это видеть можете, двор Янки – одно жилое место на день пути меж Ярцевым и Дорогобужем... Шляхетство местное ушло на Москву, царь им, как пострадавшим, уделов за Волгой нарезал, где и земли пожирней, и ловли и охоты побогаче. А тут... Деревеньки – уж какие есть – всё больше разоренные войной да голодом времён Годунова, тяглых холопов, почи-тай-ка, и нет, а те, что есть – так и норовят за днепровские пороги, на Сечь, податься... Земли здешние – глина да песок, охоты слабые, ловли... Ну да и сами видите, какие тут ловли, ни стерляди, ни сёмги, ни налима, одна худая щука да костистый лещ в верши идут, редко, когда сома сети принесут. А на Волге не то, что налим – белуга на три пуда да осетр в аршин – обычное дело. Не говоря уж о том, что красный товар, соболь, куница, лиса да чернобурка – на Москве идет по пражскому грошу за хвост, а в шубах из белки зимой последние мещанки ходят... Горностаевая шуба на Москве – в копу грошей литовских всего ценится! Слышал я в Смоленске, что нынче царю присягнули такие земли на восход солнца, где соболей – как на Литве воробьёв да галок, а оброк тамошние племена платят горностаем да куницей... Так что напрасно вы говорите, что Москва в нищете да голоде обретается – через двадцать, много – тридцать лет мы и этот аннекс Москве вернем, и Полоцк с Мстиславлем да Витебском...

Шляхтич усмехнулся в свои усы.

– Опасные слова вы говорите, пан Станислав. Княжество и Корона нынче – в зените могущества! Не куницей да соболем мы сильны, но духом шляхетским, кликнет князь – десять тысяч сабель оконь в посполитое рушение станет! – при этом шляхтич чуть заметно лукаво улыбнулся.

Комиссар скептически хмыкнул.

– Да хоть двадцать. Собрать он их – соберет, а чем кормить будет? Ему сейчас даже те рейтарские хоругви да полки, что есть – нечем оплачивать. Знаете, сколько княжеских земель по итогу войны шляхте да магнатам отошло? С чего войску платить – по шелегу в день каждому рейтару в мирное время, и по грошу – когда война? В скарбницах княжеских нынче лишь мыши – да и те с голоду дохнут... А московский царь весь доход от пушнины в казну берёт... Из Архангельска-города каждый день в навигацию по три-четыре корабля в Англию да в Амстердам уходят! А обратно везут и медь в листах, и порох, и стволы мушкетные доброй стали, и серебро слитками, и шелка да аксамиты, и пропасть всего ещё... Москва торгует и богатеет – пока мы славой шляхетской кичимся...

Шляхтич покачал головой.

– Да вы, пан Станислав, прямо радуетесь за Москву!

– Не радуюсь, пан Славомир. Просто прошлая война разорила Литву, ещё больше, чем Ливонская – а чем Речи Посполитой богатеть? Пшеницей все дырки не заткнешь, будь она хоть по талеру за пуд... Да и пшеницы той с подольской да брацлавской украин в Казимеж Дольны идет – ныне едва семьсот тысяч пудов за сезон, а на ней ещё торговый люд жидовский норовит нажиться, да владельцы барок, что в Данциг ее доставляют... Пока тот талер с пуда в Амстердаме выйдет – с него осьмак к чужим рукам прилипнет! А соболь царю Михаилу даром достаётся, как ясак...

Шляхтич покачал головой.

– Так, стало быть, пан Станислав, Корона жива лишь подольской да брацлавской пшеницей? Более ничем?

Комиссар махнул рукой.

– Ну, это все же гипербола, пан Славомир. Корона с копей Велички кормится, соль всякому хозяйству нужна, по два солида мыта за пуд подскарбий велит брать, с того двор в Кракове и живёт. Но без пшеницы с русских воеводств – королю впору по миру идти! А Княжеству, почитай, и вовсе каюк – после войны некому чинш платить, к тому же от мытных сборов шляхта освобождена... Пока что-то даёт акциз на помол жита, да на хлебное вино, та же соль да воск – вот и все наши доходы. А с аннекса не то, что дохода не имеем – здешние рейтарские гарнизоны каждый год две тысячи коп грошей требуют у Вильни...

– Две тысячи! – не сдержал изумления собеседник комиссара.

– Именно так! Да ещё ремонт конный, да ещё на поправку стен смоленских, да... А, что тут говорить, война эта – сплошь разорение хозяйству! – досадливо махнул рукой пан Станислав. Затем, охолонув, спросил: – Ну а вы, пан Славомир, каким занятием себя обременяете? Или на покое, с доходов существуете?

Шляхтич грустно улыбнулся.

– Да какой у меня доход, две волоки под Острогом в аренду сдаю, вот и вся моя маёмость... При сыне его милости, князя Василия, Януше, до его смерти состоял, а нынче четвертый год валандаюсь без дела, по постоялым дворам да маёнткам обретаюсь...

Комиссар оживился.

– О, так вы с Янушем Острожским были в знакомстве?

Шляхтич кивнул.

– И с младшим князем, и с его милостью паном Константином Василием знался... При княжеском дворе в Остроге с младых лет жил, отец покойный в надворную хоругвь записал, как только пятнадцать лет мне исполнилось. Аккурат в тот год, когда Иоанн Васильевич, царь московский, преставился...

Комиссар что-то подсчитал в уме, беззвучно шевеля губами – а затем с уважением произнёс:

– Это вы в год Люблинской унии родились... Значит, на ваших глазах и рокош Наливайки случился, и Димитриада началась и завершилась? Вы всё это видели своими собственными глазами?

Шляхтич молча допил мёд, и, помедлив, ответил:

– Не просто видел. Я всё это СДЕЛАЛ... Своими собственными руками.

Рассказ Славомира Веренича-Стаховского, шляхтича герба Огоньчик, родом из-под Пинска, о знакомстве с Северином Наливайко и о первых шагах на службе у Его Милости князя Острожского

В корчме повисло неловкое молчание.

Межевой комиссар взял со стола нож, коим за полчаса до этого разделал запечённого с капустой и грибами гуся, покрутил его в руках, зачем-то ногтем проверил его заточку – а затем, прокашлявшись, осторожно заметил:

– Пан Славомир, я люблю застольные беседы и ценю добрую шутку... Но вам не сдаётся, что это не те шутки, что следует шутить в таких местах? Мы тут одни, но, бывает, и у стен открываются уши, и даже в этой глухомани могут найтись соглядатаи...

Шляхтич нахмурился.

– Уж не думаете ли вы, пан Станислав, что Веренич-Стаховский кого-то боится? Или способен сбрехать, как дворовой пёс?

Комиссар развёл руками.

– Ни одного мгновения так не думал, пан Славомир. Но, согласитесь, ваши слова – уж больно громко прозвучали...

– А я за свои слова давно уже все мыта и пошрины заплатил, пане Стасю... Мне за пятьдесят пять лет жизни такого довелось повидать – что смешно бояться и опасаться чего-то глупо. И беречься неведомых бед – не с руки, отбоялся я своё, ещё двадцать лет назад, а теперь поздно. За близких, может быть, и стоило бы опасаться – да нет у меня никого. Осталось от жизни – могила жены в Остроге да память о сыне, павшем при Кирхгольме совсем мальчишкой, едва пятнадцать исполнилось... Чего мне бояться, пане Стасю? – негромко спросил шляхтич.

Его собеседник участливо кивнул.

– Горькая ваша судьба, пан Славомир.... Примите мои сочувствия и простите великодушно за несдержанность в словах.

– Велики дзякуй на добром слове, пане Стасю.... А о словах своих, и о Наливайковом рокоше, и о Дмитриаде, от первого до последнего – не беспокоюсь. И если есть у вас желание послушать старого дурня, раз уж мы сидим в этой западне и ждем ведра – то я готов позабавить вас своим рассказом, за мёд и доброе слово ответ дать. Как раз на три дни истории хватит, к концу надоем вам хуже этой несносной мороси, что правит баль за окном... – чуть заметно улыбнулся шляхтич.

– Что вы, пане Славомир, мне ваша повесть, ещё не рассказанная, уже интересна... Только вы позвольте велеть Янке принести ещё мёда, да закусок, да свежей криничной воды – промочить горло, да сбитню на липовом меду – чтобы рассказ мягче шёл?

Шляхтич кивнул.

– Добрая мысль. Пусть Янка все принесет, за щедрым столом и байки баять веселей. Чревоугодием никогда я не тешился, но раз у нас речь зашла о временах давних – то подкрепиться будет не грех....

Комиссар призывно махнул рукой – тут же у стола объявился содержатель постоянного двора. Почтительно выслушав распоряжения своего гостя, он молча поклонился и тотчас отправился в погреб, на ходу вполголоса отдавая распоряжения подскочившему ключнику. Через несколько минут на столе у комиссара и шляхтича появился чеканный полуштоф с мёдом, десяток оловянных тарелок со всякой снедью, глиняный кувшин с водой, и разлапистая старинная ендова со сбитнем – после чего Янка так же беззвучно исчез.

Комиссар обвел рукой вновь ставший изобильным стол:

– Прошу вас, пан Славомир, не отказать в приглашении немного порадовать себя едой и питьём. Прошу покорно отведать, что нам Бог и хозяин этого приюта послал.... И жду ваше повествование – во времена Наливайкового рокоша я только ходить учился, Дмитриаду застал хилым юнцом, в шведском походе пана гетмана Ходкевича состоял в посполитом рушении, но штурм Пярнова видел лишь издалека, а в последнюю войну с Москвой исполнял службу при посланнике Речи Посполитой в Саксонии, так что, сами понимаете, все мои знания о тех временах – весьма неполны.

Шляхтич кивнул.

– Сердечно благодарен за угощение, не премину от всех яств хотя бы по кусочку испробовать – вижу, тут и маслята с солёными рыжиками, и мочёная брусника, и квашеная капуста, и полотки гусиные, и вяленая щука, и ещё всякой всячины, изобильно даже сверх меры... О таком столе мы в Путивле в осаде и мечтать не могли! Ну да это сказка давняя, попозже я вам её поведаю... А начать свой рассказ я, если пан позволит – хочу со времен совсем старинных, о которых только Метрика Литовская поминает.... А иначе никак нельзя!

Комиссар кивнул.

– Как вам будет угодно, пан Славомир, это справа ваша, вы рассказчик – вам и решать, с чего начинать, а чем заканчивать.... Мёду позвольте вам долить? – и, не дожидаясь ответа, добавил в кубок шляхтича добрую сороковку густого янтарного напитка.

Шляхтич поднял кубок, полюбовался отчеканенными на нём сценами охоты на кабана – и, едва пригубив, поставил на место.

– Добрый мёд. Но хмель нам нынче не союзник – память моя уже не та, могу что-нибудь и пропустить.

– Как вам будет угодно, пан Славомир, как вам будет угодно... – Межевой комиссар тоже лишь пригубил из своего кубка, весь обратясь во внимание.

– История, как я вам уже сказал, пане Стасю, достаточно древняя. Что-то я знаю от отца, что-то – от его товарищей по дворовой хоругви, что-то – от старых челядинцев, иное – от дворовых людей разных служилых бояр князя Василия, ну а что-то и из хроник, благо, читать я выучился довольно рано, за что благодарен своей матери, урождённой Свентокшицкой... Она скоро нас оставила, мне не исполнилось и десяти – но сделала для меня всё, что надлежит матери, и образ её я по сию пору храню в сердце.

Отец мой, литовский шляхтич Павел Веренич, владел застенком Стахово, что в двенадцати верстах от Пинска. Владение это давало ему от силы полторы копы грошей в год деньгами и оброк, которого едва хватало на прокорм семьи – посему он был несказанно рад, когда пан Бартош Годлевский, исполнявший при его милости князе Василии должность киевского подстаросты и ведавший набором в надворную хоругвь князя, предложил ему место казацкого десятского с жалованьем в шесть коп грошей в год, стол и обиталище. Обручился он с моей будущей матерью в тот год, когда сейм княжества включил Инфлянты в состав Литвы, а свадьбу они сыграли аккурат накануне начала войны с Москвой. Тогда его милость князь Василий в Литву не двинулся, битва при Чашниках прошла без русских хоругвей Киевского и Волынского воеводств – что, правду сказать, ничего не изменило, князь Роман Сангушко тогда сумел разбить войско Оболенского.

Но это мы пропустим, полагаю, историю той войны и Люблинской унии вы, пане Стасю, наверняка знаете. Как знаете и то, что уния та решительно изменила всю жизнь воеводств русских – Волынского, Киевского, Подольского, Брацлавского – по решению воеводских сеймов перешедших под руку польского короля. Именно тогда и брошены в землю были те семена раздора и братоубийства, которые через много лет проросли войной и разрухой...

Впрочем, я несколько отвлекся. Вернусь к своему повествованию.

Отец мой участвовал в несчастливой для князя Василия осаде Чернигова, когда умерла моя мать. Отец не посмел бросить войско в годину опасности – и хоронить мать пришлось мне, совсем юному отроку. Ох, пане Стасю, не приведи Господь ещё раз испытать такое горе, да ещё в таком нежном возрасте... По все ночи напролёт я плакал, подушка моя была сродни кому озёрной ряски – а днём я распоряжался подготовкой к похоронам, отпеванием, погребением, поминками... Я очень рано повзрослел. В десять лет я перестал быть ребёнком.

Межевой комиссар участливо кивнул:

– Вижу, пан Славомир, тяжкая судьба ваша...

Шляхтич грустно улыбнулся.

– Не жалиться я намерен, пане Стасю, но рассказать вам подлинную историю рокоша Наливайки – какую вам никто более не расскажет, потому как не осталось ни в Литве, ни в Польше, ни в Москве тех, кто стоял у его начала. Смерть, пане Стасю – лучший хранитель тайн и секретов...

Так вот. Впервые Северина Наливайко я встретил в апреле восемьдесят четвертого года – я, с вашего позволения, буду считать по европейскому летоисчислению, московский календарь от сотворения мира не больно в ходу здесь, в порубежье – когда отец привёл меня к каштеляну острожскому просить для меня места казачка в надворной хоругви. Мне как раз должно было исполниться пятнадцать лет, и отец решил, что военное поприще – лучшее, что он может мне избрать, тем более – к тому времени он был помощником сотника, слову его внимали даже верхние острожские бояре, с князем Василием – к тому времени переименовавшем имя на Константин, в честь отца – он знался довольно близко.

В палатах у каштеляна – тогда это место занимал пан Ян Закревский, известный среди казаков своей справедливостью, за три года до этого потерявший левый глаз у Шклова, в несчастной для нас битве с войском Дмитрия Хворостинина – мы и столкнулись с Наливайкой.

Я очень хорошо помню эту встречу. На скамье у дверей в покои каштеляна сидел высокий, статный мужчина лет тридцати, в алом, отороченном кунным мехом, доломане – платью по тем временам крайне редкому, их носили в основном те, кто бывал в турецкой земле или в Венгрии. Они с отцом хорошо знали друг друга – что я понял по крепкому дружескому рукопожатию и доброй улыбке, которой Северин одарил моего отца. Из последовавшего разговора я понял, что пан каштелян вызвал Наливайку для назначения на должность сотника дворовой сотни – второй по важности чин в надворной хоругви. Из их беседы я понял также, что мой отец весьма почтительно относится к Наливайке – что было несколько удивительно, принимая во внимание, что они были почти равны по службе.

Вскоре пан Закревский нас принял. Отец кратко изложил свою просьбу, пан каштелян также был немногословен – произнес лишь: «Годится, велю писарю вписать твоего казачка во вторую сотню, завтра с рассветом пусть явится в кордегардию, заступит в караул». Так началась моя служба у князя Острожского...

Вечером, весь пылая от нетерпения, я начал расспрашивать отца о хоругви – ненароком упомянув и Наливайку. Отец вдруг смутился и велел мне не расспрашивать о Северине – дескать, не стоит обсуждать своего командира за глаза. На что я ответил, что Наливайко будет командовать первой, дворовой сотней, охранявшей личные покои князя, его казну и цейхгауз с пороховым запасом – да ещё и с завтрашнего дня, я же записан во вторую, которая выставляет сторожа на стенах замка, у ворот и на мосту, и посему нет ничего зазорного в том, что я хочу узнать побольше о своих однополчанах. Но отец всё равно отказался говорить о Наливайке – просто велел мне идти спать, потому что завтра утром на службу. Но это его смущение я запомнил...

Следующие полгода прошли в обычных для казачка заботах – караулы, чистка и уход за лошадьми, рубка лозы, стрельба из фузей и чистка оружия... Я учился быть солдатом – а это тяжкая наука, пане Стасю...

Межевой комиссар кивнул.

– Я знаю. Как я уже говорил, мне довелось принять участие в посполитом рушении при взятии Пернова, в войсках у его милости гетмана Ходкевича. Пятнадцать лет назад. Тогда мы крепко вздули шведов!

Пан Славомир горестно вздохнул.

– В ту войну при Кирхгольме пал мой сын, Владислав. Я так и не нашел его тела... Гусары из его хоругви, которых я смог разыскать – говорили, что мальчик мой во время атаки был сбит с коня фузейной пулей и упал с обрыва в Двину, и его унесло течением...

– Сочувствую, пан Славомир...

– Самая тяжкая ноша, пан Станислав – это гроб с телом сына на плечах отца... А мне даже похоронить моего мальчика не довелось... – Шляхтич несколько минут помолчал, а затем продолжил: – Впрочем, рассказ мой не о бедах и горестях моей семьи – я обещал вам рассказать историю рокоша Наливайки. Для чего, однако, вернусь к началу прошлого века – поверьте, пане Стасю, это необходимо.

– Я весь внимание.

– Как я уже говорил, смущение моего отца при моих расспросах о Наливайке только подстегнуло моё любопытство – не забывайте, мне было всего пятнадцать лет. И когда поздней осенью восемьдесят четвертого года мне выпало доставить гусятинскому старосте лист от княжьего подскарбия – я вновь вспомнил о Наливайке – ведь казаки говорили, что родом он из Гусятина, вырос в семье местного подстаросты. Не скрою, меня это поручение – обычное дело для дворовых казаков – крайне обрадовало.

Через Кременец и Збараж в три дня я добрался до Гусятина. Тихое, спокойное место на сонном Збруче – в те дни в нём жило едва ли три десятка семей, из коих треть – жидовских, но город правил сам собой, магдебургское право ему было даровано за двадцать пять лет до этого Жигимонтом Августом... Я быстро нашел усадьбу местного старосты, передал ему лист от подскарбия, выслушал жалобы на тяготы – местному старосту княжеским указом велено было строить мост через Збруч, чему они противились во избежание лишних расходов – и спросил, можно ли повидать семейство Северина Наливайко, моего сотника? Староста лишь махнул рукой на соседнюю усадьбу.

Подстаросты и его семьи дома не оказалось – все уехали в гости к родне, во дворе скучал сторожевой казак лет сорока, не склонный к разговорам, в покоях же обретались лишь молодая служанка да ветхая старуха, вся в чёрном – не то нянька, не то просто приживалка. Услышав, как я расспрашиваю у молодой служанки о пане Северине Наливайко – она как-то вдруг ожилилась и, подождав, пока я выйду в сенцы – схватила меня за руку.

Тихо, полушёпотом, старуха произнесла, горестно глядя на меня слезящимися, выцветшими от прожитых лет глазами: «Убьёт он хлопчика моего...»

Я остановился, немало изумлённый такими словами. «Кто?» – «Хитрая лиса, иуда, лицемер и фарисей, лжец и предатель – твой князь». «Кого он убьёт?» – «Хлопчика моего, Симеона, сына Дмитрия и Эльжбеты».

– Какого Симеона? – удивлённо спросил межевой комиссар.

Шляхтич кивнул в ответ:

– Именно такой вопрос я и задал старухе. Вместо ответа она ещё крепче ухватила меня за рукав моего жупана и поволокла в подклеть – да так решительно, что я даже немного опешил – по пути что-то, захлёбываясь от нетерпения, торопливо мне говоря.

Долго я не мог понять, что пытается мне рассказать эта старая женщина, на первый взгляд просто впавшая в безумие. Но я был терпелив – и вскоре из её невнятных и путаных фраз смог разобрать просьбу уберечь пана Северина от злодейства князя Острожского – что, не скрою, вызвало у меня поначалу оторопь. «Бабушка, да пан Наливайко – ближний боярин князя, его милость пан Василий доверяет ему свою казну и жизнь, как может меж ними случится измена или бесчестная подлость?» Старуха в ответ лишь тяжело вздохнула, усадила меня на сундук, селя рядом, на услончик, на котором обычно сидели прядки – и, грустно улыбнувшись, ответила: «Ты не веришь мне и личишь за безумную – я понимаю твои глаза. Но если ты услышишь мою историю – ты поймешь меня, хлопчик...» Конечно, я попросил её поведать мне то, что она решит мне открыть – в глубине души надеясь услышать байку про страшные тайны и ужасные злодейства, впрочем, заранее отводя им место в ряду тех детских сказок, что рассказывала мне мать, когда я был совсем маленьким. Моя бедная мама, она ведь так любила меня....

Прошу прощения, пане Стасю, я вернусь к своей повести. Старуха говорила долго – забились мы в подклеть около трех часов пополудни, к исходу же её повествования на дворе стемнело, сторожевой казак запер ворота, при этом, ворча, поставил в хозяйское стойло моего вороного, снял с него седло и подпругу и задал ему овса. Таким образом мне было предложено переночевать в доме подстаросты – но не это озаботило меня. Рассказ старухи – вот что заставило меня по-настоящему изумиться...

Вы, пан Станислав, конечно, помните, кто таков был князь Константин Иванович Острожский?

Межевой комиссар кивнул.

– Разумеется, пан Славомир. Кто же не помнит триумфатора битвы при Орше?

– Каштеляна виленского, великого гетмана литовского, воеводы трокского Великий был человек. Мало найдется на Литве державных мужей, равных ему умом и воинской доблестью, щедростью и великодушием. Даже не знаю, кого из нынешних воевод можно поставить с ним в ровню... Но речь не о его свершениях. Как вы знаете, пан Станислав, князь Константин

был женат дважды. Первый раз он обручился с Татьяной Гольшанской, дочерью князя Семёна Гольшанского, старосты луцкого и маршалка Волынского воеводства. От этого брака у него родился старший сын, Илья. Увы, брак этот завершился печально, когда Илье было двенадцать лет – его мать скоропостижно скончалась. Второй раз узы божественного единения связали его милость князя Острожского с Александрой Слуцкой, дочерью князя Семёна Слуцкого – результатом этого брака стал младший сын, Василий. То есть сыновья Константина Ивановича – были сводными, матери у них были разные, к тому же Илья был на шестнадцать лет старше Василия. Это дело обычное, в жизни всякое бывает, но в нашей истории это обстоятельство имеет довольно важный смысл.

Межевой комиссар кивнул.

– Я слышал об этом. Илья умер молодым, как я знаю?

Пан Славомир покачал головой.

– Не просто молодым. Смерть эта была настолько необычной, что породила, уж простите мне за такие слова, долгие пересуды и многие перешёптывания...

– Начинаются тайны, кои вы мне обещали вначале? – едва заметно улыбнулся пан Станислав.

– Э-э-э, пане Стасю, то ли ещё будет... Сын великого гетмана и знаменитого полководца, Илья Константинович, как известно, особых способностей к воинской службе не выказал, хотя татарские набеги отражал, и в Стародубской войне с Москвой со своей надворной хоругвью участвовал, осаждая вместе с Яном Глебовичем Себеж, хотя и безуспешно. Лавры отца оказались ему не по силам... Но рассказ мой не об этом. Князь Илья оказался воителем весьма посредственным – но я не рискну ставить ему это в вину. По моему глубокому убеждению, война – то ремесло, ловкостью в коем хвастаться человеку достойному не должно... Умелость в смертоубийстве – доблесть сомнительная. Уж простите мне моё морализаторство, но я человек старый, воин на своём веку повидавший изрядно, и, думаю, имеющий право делать такие выводы.

Так вот, речь пойдет не о публичной, но о частной жизни князя Ильи.

Вы, пане Стасю, думаю, слышали рассказы о нравах и обычаях середины прошлого века, о временах Жигимонта Старого?

Межевой комиссар улыбнулся.

– В пору моей юности мудрено было бы не слышать этих баек о Барбаре Радзивилл...

Пан Славомир едва заметно нахмурился.

– Пан Станислав, я попросил бы вас не то, что не повторять их за этим столом – но даже намекать о них в нашем разговоре. Честь дамы – не пустой звук, а для шляхтича – тем более.

– Разумеется, пан Славомир, разумеется... Простите мне моё легкомыслие.

– Дзякуй, пане Стасю, я человек старый, и рад, что вы снизошли к моим слабостям...

Так вот, князь Илья, будучи связанным обязательством своего отца жениться на Анне Эльжбете Радзивилл – старшие в роду заранее оговорили будущее своих детей, в те времена это было в заводе – решил пойти наперекор воле Константина Ивановича. Анне Ильёй был выказан решительный отказ – не ведаю, какая кошка меж ними пробежала... Напрасно великий гетман литовский Ежи Радзивилл предлагал ему свою вторую дочь, Барбару – князь Илья был непреклонен. Что было тому виной, дурные слухи, оговор, чары или просто легкомыслие богатого магнатского отпрыска – Бог весть... В любом случае, Жигимонт Старый в своем привилее позволил князю Илье не следовать отцовской воле в деле матримониальном – что и разрешило спор двух магнатских родов. Князь Илья получил свободу выбора невесты – чем вскоре и воспользовался... Вернее сказать, он думал, что получил свободу. Иной раз пешка на шахматной доске уверена, что сама выбрала судьбу жертвы чужого ферзя...

Это было в тридцать шестом... нет, в тридцать седьмом году. В Кракове на королевском балу князь Илья повстречал дочь коронного подскарбия Анджея Костелецкого – Беату; девица

двадцати двух лет, сердечная подружка королевы Боны Сфорцы, прожившая всю жизнь среди интриг коронного двора – она быстро вскружила голову молодому князю. И через полгода Илья объявил о помолвке с юной Костелецкой – которая, как шептались за всеми углами Вавеля, была дочерью Жигимонта Старого и Катажины Тельничанки, которую король польский выдал за пана Костелецкого....

Межевой комиссар кивнул.

– Да, я слышал эту историю, времена те отличались необыкновенной лёгкостью нравов.

– Э-э-э, пане Стасю, если бы речь шла лишь о легкомыслии.... Как умерла Барбара Радзивилл, вы, конечно, слышали?

– Ту историю о яблоке? Многие полагают её искусным вымыслом...

Шляхтич пожал плечами.

– Я бы тоже думал, что это не более, чем страшная байка – если бы был помоложе... А когда тебе пятьдесят пять – понимаешь, что бессердечию и подлости человеческой нет границ. Барбара, земля ей пухом, весьма возможно, и не отличалась строгостью нравов, и байки о её любвеобильности, вполне вероятно, имели под собой какую-то основу – но Жигимонт Август взял её в жены своей волей, стало быть, ему было видней. Но этим браком он вбросил в осиное гнездо пук горящей соломы – негодование польского нобилитета тогда меры не было! Литвинка Барбара Радзивилл, королева Польши – было и для коронной магнатории, и для королевы-матери – нож острый. И смерть несчастной литвинки встретила негласное одобрение на Вавельском холме... Вы ведь в курсе, из какой семьи Бона Сфорца?

– Да, пан Славомир, она наследница родов Медичи, Сфорца и Борджиа.

Шляхтич удовлетворенно кивнул.

– Борджиа. Знатнейшие отравители во всей Италии, погубившие тьму народу... Я не присутствовал при сем действе, но готов дать руку на отсечение – так это всё и было. Бона Сфорца смазала одну сторону лезвия ножа ядом, разрешила им яблоко – и ту часть плода, которой коснулась отравленная половина клинка, дала Барбаре Радзивилл. Та приняла угощение, и через месяц умерла в страшных мучениях.... Борджиа знали толк в ядах!

Межевой комиссар с сомнением покачал головой.

– И вы полагаете, что Беата Костелецкая брала уроки мастерства отравительницы у Боны Сфорцы?

– Нисколько не сомневаюсь! Зло всегда старается захватить как можно больше – городов, деревень, душ человеческих.... Без этого оно угасает и чахнет!

– И смерть Ильи Острожского....

– И смерть старшего сына князя Константина – дело рук человеческих, но не промысел Господний!

Пан Станислав пожал плечами.

– Невероятно это слышать.... Я не силен в древней истории, но мне думается, что и век назад медики были достаточно искусны, чтобы различить отравление...

– Да – если их допустили бы до тела. Но князь Илья, ушибшийся падением с коня во время турнира на третий день свадебных торжеств – семь месяцев находился под присмотром домашнего лекаря семьи Острожских, более никого из сынов Гипократа к нему не подпускали. Попервоначально боли в спине, колотьё в боку и каждодневное утреннее недомогание с тошнотой и рвотой не слишком его беспокоили, молодые супруги даже выезжали на охоты, для князя Ильи в Кременецкой пуще загоняли медведя, да и супружеский долг молодой муж исполнял исправно – но к июлю тридцать девятого года он уже не мог подняться с ложа. Все потуги домашнего лекаря и юной супруги – ни к чему не приводили. Беата самолично каждый вечер накладывала на тело князя чудодейственный бальзам и давала пить лечебный эликсир, присланные ей из Кракова и Дрездена – но молодой князь с каждым днем все больше слабел и бессилел. И двадцатого августа скончался – за пять дней до этого успев подписать завещание.

По которому всё его имущество – несметное, скажу я вам, князь владел едва ли не половиной Волыни – назначалось им будущему ребёнку. Беата была к тому времени на сносях...

Пан Станислав согласно кивнул.

– Да, я слышал об этом, она родила дочь, Эльжбету, на Волыни её звали Гальшка. Несчастливая девица, это богатство не принесло ей счастья, как говорили у нас дома, она сошла с ума и умерла, всеми брошенная, одинокая, бездетная...

Шляхтич усмехнулся в усы.

– А вот здесь, пане Стасю, позвольте вас поправить. С этого момента, прошу прощения, и начинается собственно та история, которую поведала мне старая служанка в Гусятине...

– Но вы встретили её в ноябре восемьдесят четвертого, если я правильно помню ваш рассказ?

– Именно так, пан Станислав.

– А супруга князя Ильи разрешилась от бремени...

– Девятнадцатого ноября тридцать девятого года. Вы, пане Стасю, сомневаетесь, могла ли помнить события сорокапятилетней давности вышедшая из ума старуха из Гусятина?

Межевой комиссар смутился.

– Не то, чтобы сомневаюсь, но звучит это всё некоторым образом как сказка...

Шляхтич улыбнулся.

– Ну так сказку я вам и излагаю, а верить в неё, или нет – справа ваша...

Межевой комиссар кивнул.

– Согласен с вами, пан Славомир. Так что вам рассказала старуха из Гусятина?

Шляхтич не спеша разделал гусиный полоток, с видимым удовольствием его съел, запил добрым глотком сбитня – и лишь после этого, оборотясь к своему собеседнику, ответил:

– Старуху ту, как она рассказала мне в подклети дома подстаросты гусятинского, звали Янина Лисовская, она родилась в семье Анджея Лисовского, шляхтича герба Еж, павшего при штурме Мариенвердера в Прусскую войну; мать отдала дочь в услужение в семью Острожских, и до рождения Эльжбеты она жила в палатах князя Константина Ивановича в Турове, прислуживая вдовой княгине. Когда же в семье старшего сына князя, только что перенесшей тяжкую утрату, появился младенец женского пола – Янина была отправлена в Острог и сделалась нянькой маленькой Эльжбеты, потому что мать её не могла должным образом ухаживать за ребёнком – все силы Беаты уходили на тяжбы с опекуном брата её покойного мужа. В год смерти Ильи его брату, Василию, исполнилось всего тринадцать, и у Беаты были возможности стать наследницей всего имущества рода – тем более, что сама вдовая княгиня делами мирскими себя не утруждала. Но князь Юрий Семёнович, её брат, ставший опекуном Василия – не только сумел пресечь поползновения Беаты на волынские владения семьи Острожских, но и всерьез вознамерился расследовать таинственную смерть Ильи Константиновича. Посему Беата все силы тратила на противоборство с родней деверя... – После этих слов пан Славомир грустно улыбнулся.

– Так эта Янина была маленькой Гальшке вместо матери? – спросил пан Станислав.

– И даже больше. Вы же знаете, иногда дети не могут рассказать родной матери всего, о чем думают – а няне могут, няня всегда знает о ребенке больше, чем мама... Вот и Янина стала для маленькой Эльжбеты и мамой, и няней, и старшей сестрой – всем вместе...

Как я уже говорил, Эльжбета с рождения обрела права на владение несметными богатствами – по завещанию Ильи ей отошло всё его имущество, оставшееся старшему сыну великого гетмана литовского от его отца: половина Острожского княжества с Дубно, Острогом, Чудновым, Полонным, Кропиловым, Любартовым, Дерманью, Межеричем, Литовежем, ещё тремя с половиной десятками городов и замков и шестистами сорока тремя сёлами, деревнями, хуторами, застенками и выселками – всего шестьдесят с лишним тысяч тяглых. Ей же принадлежали права на получение пошлины на вывоз зерна и леса, ловы в Кременецкой пуще, мыта

с купцов, торговавших с Крымом... Эльжбета – вернее, её мать – получала доходы с поместий, пашен, лугов, пастбищ, садов, огородов, лесов, рощ, пастухов, от охот, шинков, заводов конных, ярмарок, мыт, перевозов, мостовых, с озёр, прудов, рек, рыбной ловли, мельниц, от стад и от труда рабов и рабынь. В год всё это приносило по тем временам не менее ста пятидесяти тысяч коп грошей литовских!

Межевой комиссар тяжело вздохнул.

– Казна о таких доходах нынче и мечтать не может...

Пан Славомир развёл руками.

– Пане Стасю, да ведь нельзя и сравнивать – доходы великокняжеского скарба или Короны и Острожскую ординацию! Князь Януш, внук его милости Константина Ивановича, пятнадцать лет назад добился в Сейме привилея о дальнейшей неделимости земель Острожских – так после всех поделов и изъятий этот майорат, как называют её нынче на немецкий манер, всё равно состоит из трех дюжин городов и замков и шести сотен деревень и застенков! А во времена Его милости князя Василия, когда он владел мало что не всей Волынью и Подолией – ежегодный доход дома Острожских выходил в шестьсот тысяч коп грошей литовских! Богатства рода были неисчислимыми...

– Но, как я помню, Беата тоже претендовала на эту маёмость? Хоть по завещанию князя Ильи ей ничего не досталось? – спросил комиссар.

Пан Славомир кивнул:

– Конечно! Зачем бы она тогда попервоначалу окрутила старшего сына великого гетмана, а затем довела его до смерти? Но, на свою беду, она оказалась излишне алчной – восхотев обладать не только всем наследием своего почившего в бозе супруга, но также землями вдовой княгини и князя Василия. Тем развязав междоусобицу и внося в семью свою зёрна взаимной ненависти... Вздорная и алчная хищница, лишённая ума, не ведавшая о чести и достоинстве – вот кем была Беата Костелецкая, и это не только мнение Янины Лисовской, но и всех тех людей, которые знали вдову князя Ильи. Алчность погубила и её, и её дом, упокой, Господи, её несчастную душу...

Пан Станислав вздохнул.

– История древняя, как мир... Но что же Гальшка? Вы обещали открыть тайну, связанную с её судьбой?

– Обещал – открою. Вернее сказать, расскажу то, о чем поведала мне Янина Лисовская в ноябре восемьдесят четвертого года в Гусятине.

Так вот, маленькая Эльжбета росла, не зная родительской ласки – отец, как я уже говорил, отдал Богу душу за три месяца до её рождения, мать всем своим естеством пребывала во вражде с младшей ветвью Острожских, почти забыв о дочери – пока в сорок втором году великий князь не велел своей властью прекратить острожские тяжбы, ябеды и клеветы, к тому времени изрядно опостылевшие и ему, и великому подскарбию литовскому, какой обязан был эту усобицу гасить. Отправленная Жигимонтом Старым на Волынь комиссия разделила наследие его милости князя Ильи – отписав Острог и окрестные деревни вдове, Полонное же, Чуднов, Межерич, Лютовеж и Кропилов с окрестными замками, местечками, деревнями, хуторами и застенками – отдав дочери. Но по малолетству Гальшки Беата все равно взяла на себя бразды правления всей вотчиной – прекратив, однако, тяжбы с опекуном князя Василия за заприпятские земли и Волочиск с местечками... Казалось бы, всё устроилось, Беата получила тот доход, о котором мечтала девицей – но увы, вместо того, чтобы заняться воспитанием дочери, она окунулась в праздную суету и соперничество в тщеславии при краковском дворе, бывая в Остроге лишь наездами... Зато дядя Эльжбеты, молодой князь Василий, все чаще и чаще стал навещать отцовский замок – и с каждым разом его визиты становились все дольше... Дочь Ильи видела в дяде своего отца – которого она, увы, живым не обрела счастья повидать.

Когда юной Эльжбете исполнилось двенадцать лет – сейм в Вильно на специально созванном заседании принял постановление о судьбе молодой княжны Острожской. Она не могла без дозволу опекунов выйти замуж – опекунами же её были дядя, князь Василий Острожский, король Жигимонт Август и старый князь Сангушко, староста винницкий и брацлавский, маршалок Волынской земли. Князь Василий крепко дружил с сыном старого Сангушки, Дмитрием. Молодой Сангушко, будучи старостой житомирским, а с пятьдесят второго года – каневским и черкасским – хоть и юн был годами, но уже досыта познал к тому времени на своей шкуре горького хлеба войны, ибо каждый год ему приходилось отражать татарские набеги...

Межевой комиссар оживился.

– Да, помню! Это тот Сангушко, который захватил княжну Полубинскую и держал её в полоне, намереваясь жениться на ней против воли родни, а потом увёз молодую княжну Острожскую в Богемию, где и сгинул?

– Именно он, пане Стасю, прошу прощения... А вы изрядно знаете историю прошлого века!

Пан Станислав вздохнул.

– Золотые времена, пане Славомир, золотые времена...

– Позволю себе не согласиться с вами, пане Станислав. Да, больших войн, сродни Ливонской, не было, и Корона с Княжеством жили не в пример спокойней и зажиточней – но и тогда трагедии случались...

Межевой комиссар кивнул.

– Да, история князя Дмитрия Сангушки – истинно трагедия греческого строя...

Пан Славомир только махнул рукой.

– Э-э-э, пане Стасю, по сравнению с нашей историей – куда там Эсхилу, Софоклу иль Еврипиду! – Помолчав, продолжил: – Так вот, о молодом Сангушке. Впервые он приехал в Острог в пятьдесят третьем году, аккурат на Крещение – и за ним, несмотря на его юный век, уже тянулся изрядный хвост всяких слухов и враков. Которые совсем не всегда были такими...

Межевой комиссар покачал головой.

– Но ведь княжну Марину Львовну Полубинскую он увозом увёз, прямо из отчего дома?

– Увёз. Сорвиголова, что поделаешь! Но надо иметь к нему снисхождение, дед княжны, князь Василий Андреевич, староста мстиславский, перед смертью обещал молодому Сангушке руку внучки – и Дмитрий Фёдорович лишь восхотел избежать превратностей судьбы...

– Так что ж он тогда не женился на княжне Марине? Полубинские – Гедиминовичи, род знатный, от Ольгерда...

Пан Славомир иронично глянул на своего собеседника. И ответил:

– А княжне Марине в тот год дорогу перешла Анна Ягеллонка...

Земский комиссар от изумления даже привстал.

– Как?

– А вот так. – Довольный произведённым эффектом, старый шляхтич ухмыльнулся в усы. – Юный Сангушко мало того, что был отчаянная голова и боец, каких мало было на Литве – так ещё и сам собой был хорош, как ангелочек... Ну, это по словам Янины Лисовской, впервые увидевшей его на Крещение пятьдесят третьего года. А о сердечной связи молодого Сангушки и сестры его милости короля Жигимонта Августа рассказала ей камеристка его матери, Анны Ивановны, тоже гостившей в Остроге.

– Всё любопытнее и любопытнее. Пан Славомир, ваш рассказ – просто новелла Бокаччо!

– Скорее уж сонет Петрарки – ведь у молодого Сангушки и королевны Анны лишь начало возникать душевное влечение, кое в самом зарождении пресекла королева-мать. К тому же дочь Жигимонта Старого была на семь лет старше князя Дмитрия...

– Я об этом не то, что не слышал – но даже и не думал, что такое было возможно!

– Э-э-э, пане Стасю, как писал Шекспир, «есть много, друг Горацио, на свете, что и не снилось нашим мудрецам» Молодой Сангушко и Анна Ягеллонка встретились на королевском балу накануне Филиппова поста, в ноябре пятьдесят второго года. Королевна лишь увидела князя Дмитрия – как немедля воспылала к нему самой отчаянной страстью. В этот же вечер молодой Сангушко получил от Анны Ягеллонки письмо – не оставлявшее никаких сомнений относительно намерений королевны; князь Дмитрий, пребывая в смущении и раздумьях, не решился ответить – и через три дня получил второе письмо, на которое уже составил ответ. Но Анна Ягеллонка его не получила – челядинец, несший послание, был остановлен Боней Сфорцой. Королева-мать была на том же балу, видела, какими глазами её дочь смотрит на юного литвина – и всё прекрасным образом поняла. Через своих слуг она узнала о начале их эпистолярного романа – и решила пресечь его самым решительным образом. И ответ Дмитрия Сангушко попал не королевне Анне, а её матери... На следующее утро молодому князю был оглашен указ великого князя литовского немедля ехать в Брацлав, готовить воеводство к грядущему набегу татар – а устно добавлено, чтобы более он носа на Вавеле не казал, во избежание горших бед и напастей... Молодой Сангушко, будучи подданным великого князя Жигимонта Августа, не посмел пренебречь его указом – но жажда отомстить за такое унижение сжигала всё его естество... Он немедля покинул Краков – но ни в Ковель, в свой родовой замок, ни в Брацлав, куда велено ему было отправиться – он не явился, а все последующие два месяца метался по Литовской Руси, не зная, чем потушить свой гнев и горечь от унижения... Не забывайте, Сангушки – Гедиминовичи, род свой ведут от Любарта, Ягеллоны им ровня. От терзавшего его душу негодования молодой князь и думать забыл о молодой княжне Полубинской, оставленной им на попечение тётки, Федии Андреевны, его снедала невозможность отомстить за обиду – не забывайте, Жигимонт Август все же был король и великий князь... И от неизбывной печали князь Дмитрий заехал в Острог – надеясь в компании с его милостью младшим Острожским забыться за бражным столом... И не в Анне Ягеллонке тут дело, хотя внимание королевны польстило юному князю – его душила ярость от обиды, которую нельзя искупить. Во всяком случае, так Янине Лисовской поведала камеристка Анны Ивановны, матери молодого князя. А женскую душу в таком деле обмануть нельзя – женщина чует это не разумом, но сердцем...

Так вот, о первом приезде Дмитрия Сангушко в Острог. Прибыл он туда, пылая праведной жаждой мщения – кою, увы, никаким образом не мог удовлетворить. И вдруг за обедом, накрытым по случаю прибытия знатных гостей – он встречает юную Эльжбету!

Янина Лисовская подробно поведала об этом событии – ведь именно оно стало началом трагического исхода жизни молодого князя. Дмитрий Сангушко вошел в каминный зал княжеских палат; за старшим столом сидели уже его мать, вдовья княгиня Анна Ивановна, князь Василий, а также будущий тесть молодого Острожского, великий гетман коронный Ян Тарновский, за гостевым же столом – старый князь Четвертинский, остановившийся в Остроге по пути в Вильну, коронный постельничий Конецпольский, приглашенный князем Василием обсудить какие-то дела – и Беата, приехавшая за час до этого. Одновременно с молодым князем в залу вошла юная Эльжбета в сопровождении няни – девочке только что исполнилось тринадцать лет, она только начала познавать свою женственность, была свежа, юна, трепетно пуглива, очаровательна своей непосредственностью..., впрочем, слова Янины в этом случае мы подвергнем некоему сомнению, ведь Эльжбета была ей почти что дочерью. Но в любом случае, для молодого князя вошедшая вместе с ним в залу девочка стала лучшим лекарством против мучавшей его жажды мщения и горестного осознания её невозможности – я человек старый, и прекрасно понимаю те чувства, что возникли у Дмитрия Сангушки при встрече с юной Эльжбетой... Юность всегда очаровательна! – заключил шляхтич и крепко приложился к кубу с мёдом.

– Князю Дмитрию тогда сколько исполнилось? – живо спросил комиссар.

– Двадцать два года.

– А княжне Острожской тринадцать, вы говорите?

– Именно так. И нет ничего удивительного, что меж ними вспыхнула искра – это молодость, тут ничего нельзя поделать...

Впрочем, пани Янина Богом клялась, что попервоначалу меж князем Дмитрием и княжной Эльжбетой не было даже случайно обронённого слова – они сидели по разные стороны стола, юная княжна принужденно отвечала на какие-то вопросы своей матери, Дмитрий пытался поддерживать беседу с князем Василием – также без успеха. И лишь тогда, когда их глаза встречались – на лицах обоих вдруг вспыхивал пунцовый румянец... Янина Лисовская не одна заметила это – по завершению обеда княгиня Сангушко попросила своего сына уделить ей немного внимания. Как вы знаете, пан Станислав, женщины умеют хранить секреты – но лишь все вместе, сообща... К вечеру подробности разговора Анны Ивановны с князем Дмитрием были известны всем обитателям острожского палаца женского пола. – Старый шляхтич вздохнул, пряча в усах ироничную улыбку.

– Княгиня напомнила сыну о томящейся в Ковеле юной княжне Полубинской? – Улыбнувшись, спросил межевой комиссар.

– И об этом тоже. А также о решении сейма в Вильне. О том, что после столь неосмотрительно начатой переписки с Анной Ягеллонкой молодому князю делать нечего – рассчитывать на согласие Жигимонта Августа на брак с молодой Острожской, королева Бона Сфорца – особа крайне злопамятная, мстительная и злонравная. Но это, по словам камеристки княгини, лишь разожгло интерес молодого Сангушки к Эльжбете. Молодость крайне опасный возраст, и любые запреты лишь побуждают желание их нарушить – думаю, вы, пане Стасю, тоже пережили в своей жизни такое...

Межевой комиссар грустно улыбнулся.

– Ну, в моей молодости самым смелым низвержением табу было воровство вишен в саду нашего соседа, почтенного судьи Яна Скажинского...

– Да и слава Богу, смирение с младых ногтей всяко лучше беззаботной лихости, из с юности смиренных великие мужи вырастают, а сорвиголовы редко когда до седины доживают... Вот вы, пане Стасю, в тридцать с небольшим – уже подскарбий мстиславский, межевой комиссар, управитесь с межеванием здешних земель – станете старостой иль каштеляном витебским, а там, глядишь, и до виленского подкомория рукой подать... – Пожилой шляхтич, говоря это, едва заметно иронично улыбался.

Межевой комиссар нахмурился.

– Пан Славомир, я понимаю вашу иронию. Но кому-то ведь надо и по хозяйственной части править, княжество наше ныне в таком запустении и голи, что только чудо господне поможет нам роспись расходов государства выправить без понижения доли серебра в чеканке шелега... Я вам скажу, и в нашем деле нужна доблесть – пусть не такая, как на поле битвы, но доблесть ума. Иную битву с татарами куда легче выиграть, чем одолеть в единоборстве монетный двор венгерского короля Владислава с его свидницким подлым грошем... – Чувствовалось, что пан Станислав изрядно обижен намёками пожилого шляхтича.

Веренич кивнул.

– Простите великодушно, пане Стасю, понесло меня не туда... Каждому своя планида, кто с татарами рождён биться, а кто с податями, чиншами и мытами управляться... Согласен я с вами, глупо себя повёл, как юнец желторотый.

Пан Станислав облегчённо вздохнул.

– И вы на меня зла не держите... Впрочем, мы отвлеклись от событий Крещения Господня пятьдесят третьего года – что там далее происходило в княжеском замке в Остроге?

Пан Веренич покачал головой.

– Чудные дела там творились, по словам пани Янины. На следующий день после пира Эльжбета попросилась у матери отправиться на конную прогулку – хотя до этого, в седле сидеть и выученная, интересу к этому занятию никогда не проявляла. Беата поначалу решила отправиться с дочерью – но затем, по женскому обыкновению, передумала, попросив сопроводить юную княжну князя Василия. И когда Эльжбета, князь Острожский, гайдуки и коноводы, казаки надворной хоругви и посыльные, поездом в две дюжины всадников, выехали из ворот замка – на берегу Вилии их встретил оконь молодой Сангушко со своей челядью. Прогулка та продолжалась едва не до вечернего караула – и на следующий день всё повторилось вновь. Юная княжна вдруг сделалась истовой любительницей верхоконных выездов, и с каждым днём делались они всё дальше – иной раз до Свято-Троицкого монастыря в Межериче, иной раз – до Розважа, и бывало – и до Нетешина на Горыни! Благо, зима в том году была мягкой, морозы стояли некрепкие, лёд на реках едва в полвершка стоял – почему б и не покататься девице?

– Я так понимаю, каталась княжна не одна? – лукаво спросил пан Станислав.

Старый шляхтич улыбнулся.

– Ведомо, не одна. Гайдуки с нею были – всегда трое-четверо, коновод, казак дворовой сотни при сабле и пищали... ну, и пан Дмитрий Сангушко со своей челядью. Попервоначалу и князь Василий в этих выездах участвовал – но верхоконное дело было ему не в радость, и уже на третью поездку его племянница отправилась в сопровождении верного человека князя, шляхтича Марьяна Гиголы. Онный шляхтич должен был блюсти княжну от всяческих нестроений, паче всего оберегая её честь – но, будучи человеком в летах, к тому же склонным к доброму кубку, обычно отставал от поезда ещё у стен замка и занимал позицию в корчме у Нахима из Бердичева – где обычно и проводил время до возвращения гуляк, отдавая должное добрым медам да горилке, благо, пан Дмитрий щедро оплачивал его стол... – Пан Веренич ухмыльнулся в усы.

– Стало быть, пани Эльжбета повседни напролёт проводила время рядом с князем Дмитрием? Без должного присмотра?

Старый шляхтич лишь развёл руками.

– Да если молодые влюблённые захотят быть рядом друг с другом – тут не то, что соглядатай, тут крепостные стены в десяток саженей не помогут... Тем более – как раз шла Масленица, гуляния, предчувствие весны... Дело молодое! Но, пане Стасю, вы всё ж не держите в уме злое – пан Дмитрий, хоть и отважный был шляхтич, и бесшабашный до одури – но понятие о чести имел безупречное. С Эльжбетой у них были лишь разговоры – но, по словам пани Янины, разговоры такого рода, что каждый раз, возвращаясь в замок, юная княжна пылала, словно майская роза...

– Ни Боже мой, даже не думал о таком... А что ж Беата? Как смотрела на это?

Старый шляхтич вздохнул.

– Никто эту женщину не мог понять – тем паче, простая нянька... Янина говорила, что поначалу вдова князя Ильи отнеслась к ухаживаниям юного Сангушки за её дочерью вполне благосклонно – князь Дмитрий был знатен, богат, отважен, шляхетское звание своё ничем не запятнал – и, когда на Сретенье Господне он подослал к ней своего ближнего боярина, спросить о возможном сватовстве – Беата отнеслась к этому весьма дружески.

– А как же решение Сейма в Вильне? Пани Костепецкая не могла пренебречь им, и князь Сангушко знал о нём...

Пан Веренич махнул рукой.

– Кто, будучи молодым, всерьез следует указаниям старших – хоть в семье, хоть в державе? Князь Дмитрий видел лишь Эльжбету, её пунцовые щёчки да шаловливые глазки – что ему было до решений Сейма? Ну а Беата была подружкой королевы-матери, и наверное полагала, что в случае нужды Бона Сфорца укажет сыну, как ему должно поступить...

– Но, насколько я помню, потом всё пошло противно воле молодого Сангушки?

Старый шляхтич вздохнул.

– На Великий пост Беата отъехала в Краков – в Остроге в это время делать ей было нечего, князь Василий, хоть и не был хозяином замка, но был старшим мужчиной в роду, и, сам будучи человеком крепкой веры, держал двор и замок в строгости, благочестии и почитании православного закона. Пост да молитва – что в этом интересного для особы вроде Беаты? На Вавеле ей было не в пример веселей... Вернулась она лишь на Пасху – и к тому времени в Остроге уже все были уверены в грядущей свадьбе юной Эльжбеты и Дмитрия Сангушко, ждали лишь совершеннолетия княжны Острожской. Четырнадцать лет ей должно было исполниться в ноябре...

– И Беата?...

– Беата прислала князю Сангушко требование покинуть замок, вместе с челядью и ближними боярами. Немедля по приезду. Это был гром среди ясного неба – от матери Эльжбеты ждали ровно обратного... Никто в Остроге ничего не мог понять – кроме князя Дмитрия. Пани Янина вела дружество с камеристкой вдовой княгини Анны Ивановны – и рассказывала, что князь Дмитрий, получив столь враждебное послание Беаты, весь вечер метался в своих покоях, повторяя «Будь проклята проклятая итальянка!»

– Так это королева-мать Бона Сфорца расстроила этот брак? – удивился пан Станислав.

– Едва не расстроила.

– Да-да, помню, князь Дмитрий все же сочелся с юной княжной Острожской... Всё же он был изрядный упрямец и себе на уме, молодой Сангушко!

Пожилой шляхтич кивнул.

– Сорвиголова, что тут и говорить... Но вы, пане Стасю, учитывайте сюда же, что на Троицу была уже назначена свадьба князя Василия с Софьей, дочерью пана Яна Тарновского, великого гетмана коронного. Получалось, что Василий был желанным женихом, а князю Дмитрию Беата вынесла гарбуза, как это принято в русских воеводствах среди загоновой шляхты... Это было двойной обидой! Стерпеть её было уже просто невозможно!

– Но молодой Сангушко все же уехал из Острога?

Пан Веренич развёл руками.

– Ну а что ему оставалось делать? В этот же день, не мешкая – гонору у него было в избытке... А вместе с ним уехал и князь Василий – к себе в Туров. Но ни князь Дмитрий в Ковель, ни молодой Острожский в Туров – так и не доехали. Оба поезда остановились в Клевани, в замке Чарторыйского.

– Тот, что во времена Ярослава Мудрого был Кольванью? – блеснул эрудицией пан Станислав.

Старый шляхтич кивнул.

– Он. Князья разбили лагерь в Клевани, измышляя, как осуществить планы по женитьбе Дмитрия на Эльжбете – потому что теперь Сангушке отступать было просто некуда. Снести оскорбление от матери короля – ещё было можно, хотя и требовало немалой силы духа. Но от байстрючки?!? Это было просто немыслимо!

– Но Беата всё же была дочерью. Жигимонта Старого... – возразил межевой комиссар.

– Байстрючкой она была! – отрезал пожилой шляхтич. И, уже мягче: – Пане Стасю, в этом деле я, уж прошу прощения, пристрастен, и держу сторону молодого Сангушки – так что рассказ мой не будет Несторовой повестью... Стар я, сентиментален и люблю всякую такую глупость про любовь, уж простите великодушно – а у молодого князя Дмитрия и Эльжбеты была любовь, пани Янина в сём Богом клялась... С вашего позволения, продолжу свой рассказ. Так вот, лагерь в замке на реке Стубле и родовой замок в Остроге тотчас соединился почтовой линией – заработавшей в полную силу... Каждый день из Клевани в Острог отправлялся посыльный с грамотой к молодой княжне – и каждый день из замка Острожских на берега Стублы отправляем был ответ. Что писали друг другу Дмитрий и Эльжбета – Бог весть,

но пани Лисовская уверяла, что с каждым днём приверженность Гальшки юному Сангушке только росла. А уж когда вольнские Ромео и Джульетта встретились на свадьбе у Василия – неизбежность их соединения не мог не увидеть даже слепой...

– А что ж Беата?

– А Беата сразу после свадьбы уехала в Краков – искать поддержки у Боны Сфорцы. Но королева-мать к тому времени почти утратила своё влияние на сына, чему, как вы помните, немало послужила смерть Барбары Радзивилл. О чём говорила Беата Костелецкая с Боной Сфорцой – неизвестно, но переговоры эти шли довольно долго – до самого Ильи-пророка мать Эльжбеты пробыла в Кракове. Молодые же князья тоже даром времени не теряли – ими были подготовлены пути как на случай счастливого разрешения дела, так и для того случая, если бы над влюблёнными разразилась бы королевская гроза. При благополучном исходе молодые думали уехать в Канев, где в тамошнем замке провели бы первые месяцы своей жизни. Ну, а при несчастливой планиде – решили подготовить бегство в цесарские пределы. Князь Василий отписал своему новоприобретенному тестю, пану Тарновскому – и тот согласился предоставить нашим вольнским Ромео и Джульетте убежище в своём замке в Роуднице-над-Лабой, что в Богемии – буде Жигимонт Август ожесточится сердцем и обрушит на Сангушко свой гнев за небрежение его волей.

– Однако, предусмотрительно! – заметил межевой комиссар.

Пожилой шляхтич согласно кивнул.

– Князь Василий с юности имел склонность думать на несколько шагов вперёд – что, кстати, немало ему помогло после провала рокоша Наливайки... Но вернёмся в август пятьдесят третьего. Беата, не солоно хлебавши, вернулась из Кракова в Острог – аккурат в первый день Успенского поста. На следующее утро у стен Острожского замка появились молодые князья с казаками и челядинцами; отряд был невелик, пани Янина утверждает, что не более трех дюжин верхоконных, из которых едва ли половина была всерьез вооружена пиками, фузеями да пищалями, остальные были лишь при саблях – но приступом брать Острог ни Сангушко, ни князь Василий и не планировали. Беата по приезде закрылась в своих покоях и не велела её будить до полудня – молодые же князья прибыли с рассветом. Ключник замка доложил о гостях начальнику стражи, тот – княжескому подкоморию, ну а тот, не желая стать предметом гнева княгини – разбудил княжну. Которая лишь притворялась спящей – всю ночь до этого не сомкнув глаз. Эльжбета приняла пана Кветинского, исполнявшего тогда должность княжеского подкомория, и велела отворить ворота – что и было тотчас исполнено. Ну а дальше – дело известное... – и старый шляхтич, вздохнув, приложился к кубку с мёдом.

– Молодой Сангушко похитил Гальшку?

Старый шляхтич хмыкнул.

– Это ещё надобно посмотреть, кто кого похитил... Беату, поднявшуюся с постели из-за шума во дворе – князь Василий велел своим гайдукам запереть в её спальней светлице. Дворовых казаков острожских люди Сангушки в палац не пустили – да те и не особенно рвались, Беата не была любимицей острожской челяди, если не сказать – наоборот... В общем, к обеду в Остроге не было ни молодых князей с их сопровождающими, ни Эльжбеты с нянькой и Марьяном Гиголой – вся компания на рысях ушла в Клевань.

– И свадьба была в Клевани? Помимо воли Беаты?

Пан Веренич покачал головой.

– А разве Василий – не глава рода? Из Клевани были разосланы приглашения на свадьбу всем нотаблям Литовской Руси и Литвы, и избранным аристократам Короны – и многие первые люди Вольны, Подолии, Малопольши, Подкарпатской Руси, Мстиславщины, Витебщины, Брацлавщины и Киевщины согласились приехать – хотя и слышали, что брак сей не совсем правомочен... Но род Острожских в княжестве Литовском был не последним – и приглашение князя Василия многие сочли куда весомей постановления Сейма в Вильне... Свадьба была

назначена в Остроге. Через три дня после увоза Эльжбеты молодые князья, Эльжбета и вся челядь вернулись в родовой замок – из которого к этому времени уехала Беата. И пятнадцатого сентября в надворной церкви Острожского замка состоялось сочетание Эльжбеты и Дмитрия, Беаты при сем не было, всё происходило волею князя Василия – Костелецкая же, презрев его планы и надеясь извлечь из этого свою корысть, написала жалобу Жигимонту Августу. В которой напирала на то, что брак состоялся помимо воли одного из опекунов, его милости великого князя и государя. В чём – в чём, а в уме Беате нельзя было отказать... Жигимонт Август прочёл её донос, возмущился столь явным небрежением его велений – ну а если добавить, что Бона Сфорца не преминула добавить во всё это свой кубок яду, выражаясь фигурально – то реакцию великого князя понять можно. Мало того, что твоей волей демонстративно пренебрегают – в глазах матери, всегда считавшей тебя слабым изнеженным неумехой, ты становишься просто жалок...

– И Жигимонт Август?...

– И великий князь Литовский решается на неслыханное.

Как князь Дмитрий Сангушко бежал от гнева короля Жигимонта Августа в цесарские пределы, но спасения там не нашел, и о судьбе его богоданной супруги, Гальшки Острожской

Старый шляхтич помолчал, затем пригубил из кубка, вытер усы, положил на свою тарелку пару вяленых язей, не спеша разделал одного, содрав с него шкуру вместе с осыпавшейся чешуёй, оторвал шматок суховатой, с изрядным запашком, полупрозрачной мякоти, с удовольствием её пережевал – и лишь потом, откинувшись, продолжил:

– На сейме в Вильне, как вы знаете, было решено, что Эльжбета не может быть выдана замуж без дозвола всех опекунов – коих, напомним, было четверо; и ежели согласия Его Милости князя Острожского и молодого Сангушки искать не требовалось – то два других опекуна, Беата и Его Милость великий князь Жигимонт Август – такого согласия не дали.

Межевой комиссар кивнул.

– Да, я об этом слышал. Его милость король и великий князь тогда как будто белены объелся...

Пан Веренич тяжело вздохнул.

– Если бы только это... Поначалу-то ничто такого исхода не предвещало – трибунал мог такого решения и не принять, поелику на стороне ответчиков готовились выступить литовские нотабли из первых. В Кнышин, в коем был назначен суд по этому делу, собирались ехать и оба Радзивилла, братья почившей в бозе Барбары – и канцлер и виленский воевода Николай Чёрный, и воевода трокский и великий гетман Николай Рыжий – и воевода витебский Григорий Ходкевич... Партия Сангушки подбиралась знатная. Но в канун Рождества всем им был выслана грамота великого князя – в коей их присутствие на трибунале объявлялось невозможным из-за нехватки обиталищ, в кнышинском замке как раз накануне суда случился пожар, и все действо было перенесено в стены костёла святого Яна Евангелиста.

– Пожар?

Старый шляхтич пожал плечами.

– Сие мне неведомо, но это был весьма благовидный предлог, дабы не допустить на трибунал панов радных – сторонников князя Дмитрия. Литвы в Кнышине, почитай, что и не было. А вот Короны... Короны там было с избытком. При этом для недоброжелателей Сангушки – Зборовских, Костелецких, Гурков – нашлось место и в трибунале, и в обывательских домах. Итог судилища вам, пан комиссар, я полагаю, ведом – князя Дмитрия Сангушко за преступления, коих он не совершал – а обвинили его в гвалтовном взятии замка в Остроге, насилии над Беатой и её приближенными, похищении Эльжбеты – приговорили к лишению званий и имений и изгнанию из Литвы. Всякий, кто дал бы приют князю Дмитрию, объявлялся злодеем

и преступником, а с того, кто поднял бы на молодого Сангушко руку – априори снимались любые обвинения... Мартын Зборовский ликовал по оглашению приговора.

Пани Лисовская, впрочем, говорила, что приговор трибунала был известен в Каневе задолго до его вынесения – аккуратно на сочельник в замок прискакал посыльный от Василия Острожского. Что он рассказал пану Дмитрию – она не ведала, но мне сказала, что через час после появления этого вестника несчастья в каневском замке начались срочные приготовления к отъезду. И наутро поездом в дюжину всадников с полудюжиной вьючных лошадей князь Дмитрий с молодой супругой отправился во Влодаву, что недалеко от Ковеля – дабы там, в своём поместье, более напоминающем небольшую крепость, дожидаться приговора трибунала, и, буде он и в самом деле столь суров, как об этом ему донёс посыльный князя Василия – немедленно бежать в цесарские пределы.

И вот тут начинаются те тайны, о которых я вам в самом начале говорил...

Межевой комиссар с интересом спросил:

– Пан Славомир, вы это всё со слов няни юной Острожской знаете?

Пожилой шляхтич кивнул.

– В отличие от прочих, пани Янина не имела в этой истории никакого личного интереса – посему я полагаю возможным верить её рассказу без изытья... С вашего дозволения, пан Станислав, я продолжу.

До Белой Церкви беглецы добрались беспрепятственно за два дня, переночевав в постоялом дворе на берегу Гороховатки – благо, шли налегке, верхоконно, лошади были отдохнувшими, не умученными дальней дорогой. Но уже в Фурсах юная княгиня без сил сползла с седла, жалуюсь, что более верхами ехать ей нет мочи – и молодой Сангушко принужден был купить возок, в который была погружена Эльжбета со своей няней. Скорость поезда заметно упала – и до Бердичева им пришлось ехать три дня, весь же путь до Влодавы, в которой их застал гонец с чёрными вестями из Кнышина, занял у беглецов ровно две недели.

Пан Станислав прикинул что-то в уме, молча что-то подсчитал, шевеля губами – и, покачивая головой, заметил:

– Плохо шли. Едва по тридцать вёрст в сутки. По зимнему пути – что-то совсем мало.

Веренич кивнул.

– Мало. И дело даже не в том, что возок с молодой княгиней и пани Яниной мешал быстрому ходу – беда в том, что пани Эльжбете страшно укачивало в возке, и ежечасно она исторгала из себя всё, что ей подавали на постоялых дворах. К этому ещё добавлялась постоянная головная боль, на которую она жаловалась и пани Янине, и пану Дмитрию, и непрерывные смены настроения – Эльжбета могла засмеяться, увидев бегущего по полю зайца, и тотчас заплакать, уверив Янину, что оному зайчику холодно и неудобно в декабрьской степи...

В горнице повисла тишина. Затем пан Станислав настороженно спросил:

– Вы, пан Славомир, имеете в виду то, о чём я подумал?

– Именно, пан Станислав. И очень скоро об этом догадался весь маленький отряд.

– Но ведь нигде и никто не говорил, что Галышка была цяжарна?

– Никто и никогда.

Межевой комиссар от волнения даже встал.

– Остановите ваш рассказ, пане Славомиру. Вы хотите сказать, что Эльжбета Острожская в час бегства уже была непраждна? И, что, клянусь большой княжеской печатью, куда важнее – она не потеряла ребёнка?!?! У Дмитрия Сангушко родился наследник?

Пожилой шляхтич вздохнул и ответил:

– Не потеряла. Благополучно разрешилась от бремени в Познани, в доме своей матери, аккуратно на святителя Николая Мирликийского.

Пан Станислав прошептал едва слышно:

– Как страшно повторяется судьба.... Отец Эльжбеты не увидел своё дитя, и отец её ребёнка тоже погиб до его рождения.... – А затем, сев и взглянув в глаза пожилого шляхтича, спросил: – Кто же родился у Гальшки? Сын? Дочь? И какова дальнейшая судьба ребёнка несчастного князя Дмитрия?

Веренич-Стаховский не спеша разлил по кубкам остатки мёда, пригубил из своего едва полглотка – и ответил:

– Сын. О котором вы, пане Станислав, немало слышали в своей жизни.

Немного помолчав, межевой комиссар осторожно спросил:

– Уж не хотите ли вы сказать, что пани Янина Лисовская стала нянькой сына Гальшки, маленького Северина, позже принявшего имя Наливайки? Ведь так, пане Славомиру, вы к этому ведете свой рассказ?

Пожилой шляхтич едва заметно ухмыльнулся в усы.

– Проницательность и быстрота ума у вас, пане Стасю, отменны.... Да, именно так.

– Но допрежь этого была страшная, жестокая и брудная история в Богемии, когда Зборовские лишили жизни благородного князя Сангушко, безоружного, едва ли не в ночной рубахе.... Так?

– Так, пане Стасю. Я знаю эту историю едва ли не из первых рук, пани Янина всё это видела, она же омывала тело князя Дмитрия перед погребением в Яромерже....

– Так значит всё это правда, про Мартына Зборовского?

– Истинная.

– Признаться, я довольно долго не верил, что такой почтенный, умудрённый годами, известный своими достоинствами шляхтич решился на такое.... Расскажите же, пане Славомиру, все, что вам поведала пани Янина, о той трагедии в Богемии.

– Как угодно, пане Стасю, мне это не в тягость, тем более – дела это давние, все персоны, в том замешанные, благополучно ушли в мир иной, да и, шутка сказать, почитай, семьдесят с лишком лет прошло... Мёртвые меня не осудят, а живым та история – в пример и в назидание.

С вашего позволения, я продолжу рассказ о злоключениях воеводы каневского и его юной жены – начиная со дня их бегства из Влодавы.

Коронный рубеж поезд Сангушки одолел в первый же день нежеланного путешествия – благо, от его поместья до польской границы было рукой подать, а мытники на люблинском шляху даже и не помыслили затруднить путь такому знатному шляхтичу – известия о трагических метаморфозах в положении Дмитрия Сангушко до застав на Вепше ещё не дошли. Переночевав в Уршулине, князь на второй день пути добрался до Люблина – где перед ним открывались два пути в Богемию: либо двинуться напрямик, по Подляшью и Великопольше, на Роуднице, либо уклониться на полдень – подалее от Пётркува-Трибунальского, и цесарскую границу перейти в Малопольше.

Дмитрий Сангушко, даром, что был молод – отличался недюжинным умом; он понимал, что ежели они напрямик поедут на Роуднице, через Ченстохову и далее к Нижней Силезии, то доехать до цесарских пределов им вряд ли удастся. Ежели будет погоня – а то, что она будет, он понимал отлично – то избежать с ней встречи на этом пути они не смогут. И посему путь был выбран в Малопольшу – от которой до верхнесилезских княжеств было рукой подать. Благо, путь через Сандомир, Поланец и далее на Краков приводил беглецов аккурат к Плейссу, принадлежащему князю Балтазару фон Промнитцу, цесарскому нотаблю, епископу Бреслау. Ну а вы, пане Стасю, помните, как венский нобилитет в те годы относился к Жигимонту Августу и краковскому двору в целом....

Межевой комиссар кивнул.

– Да, помню. Смерть первой жены Его Милости великого князя Литовского изрядно испортила отношения Вены и Кракова....

– Именно. Вдобавок аксиомой при габсбургском дворе считалось, что к отравлению Елизаветы, дочери императора Фердинанда, руку приложила Бона Сфорца – и, смею заметить, мне эта мысль не кажется слишком уж невероятной. И хотя потом, после трагической смерти Барбары Радзивилл, Жигимонт Август взял в жены сестру Елизаветы, Екатерину – отношения меж Габсбургами и Ягеллонами лучше не стали. Посему молодой Сангушко направил копыта своих коней в Плейсс – в уверенности, что его владетель ни при каких обстоятельствах не выдаст их польской погоне.

Так и случилось. Но обстоятельства молодой княгини вынудили отряд остановиться на четыре дня в Неполомнице близ Кракова – это было на Крещение Господне. Как потом стало ясно – именно эта задержка и стала для них роковой...

Поезд молодого Сангушки после Плейсса направился в Нижнюю Силезию – и через Глатц, Нейссе, Наход и Яромерж добрался до Лысой-над-Лабой, близ Нимбурка. До замка Роуднице им оставалось два дня ходу, причем по Богемии, по цесарским землям, где, как они думали, польская погоня им уже была не страшна.

Молодой шляхтич перебил пана Славомира:

– Простите великодушно, но ваши познания в географии Силезии, Богемии и в оголе всей той местности меня несколько.... Несколько изумляют, пане Славомир!

Пожилой шляхтич усмехнулся.

– Немудрено. Но тут мне есть оправдание – по всем тем шляхам, о которых я вам тут рассказываю, я, вместе с Его Милостью полковником Наливайко прошел тридцать лет назад пеше, конно и оружно... Но об этом я поведаю немного позже.

Так вот, о злодействе Зборовских. В то утро князь Дмитрий, накануне отаборившийся на подворье у пана Ливы, встал рано – пани Янина, спавшая в горенке рядом со светлицей Эльжбеты, даже не слышала, как молодой князь спустился вниз. Проснулась она лишь от страшного шума на кухне – где люди Мартына Зборовского, ворвавшись в дом, взялись избивать князя Сангушко, тщетно удерживаемые войтом Нимбурка Адамом Кухтой. Оного войта, к слову, через два года в Праге за сие злодейство приговорили к вечной каторге, хоть прямо в смерти князя Дмитрия он и не был повинен.... Пани Янина, когда рассказывала о том страшном утре – плакала в голос, как будто всё это было вчера....

Молодого Сангушку люди Зборовского увезли в Нимбурк, а затем, удостоверив войта Кухту в том, что князь действительно объявлен вне закона, вернее, представим ему приговор королевского трибунала на латинском языке, коего пан Кухта не ведал – повезли в Польшу, но в Яромерже, на следующую ночь, лишили жизни, удавив князя Дмитрия в коровнике, верёвкой, коей обычно треножат коней на пастбище....

Межевой комиссар, вздохнув, кивнул.

– Да, смерть страшная, что и говорить.... – А затем, помолчав, спросил: – А Эльжбета? Говорят, старый Зборовский увёз её к себе, в Калиш, в надежде выдать её за кого-нибудь из своих сынов?

Старый шляхтич покачал головой.

– Нет, не увёз. По смерти князя Дмитрия вожди погони – а в ней, кроме Зборовского, участвовали и Гурки, и Костелецкие, и Немцовичи, не считая мелкой шляхты, коей было до четырех десятков сабель – приняли совокупное решение отправить Гальшку и её няньку в Познань. Староста познаньский, Анджей Костелецкий, поклялся на Библии, что доставит Гальшку в дом матери в целостности и сохранности, со всеми положенными ухоронами, бо её положение всем на тот день было очевидно. И все бывшие на том совете – и Костелецкие, и Гурки, и Зборовские – поклялись шляхетным словом, что никто и никогда не узнает, что Гальшка на момент смерти её мужа носила в своём чреве ребёнка несчастного князя Дмитрия. И слово, как видите, пане Стасю, нотабли польские сдержали....

Межевой комиссар грустно улыбнулся.

– Но эта клятва не касалась пани Янины Лисовской?

– Именно так. И в подклети дома гусятинского подстаросты она мне открыла эту тайну. Хоть, не скрою, тогда она казалась мне сущей небылицей...

– Так что же произошло дальше?

– На Сретенье Господне Гальшка с Яниной Лисовской прибыла в Познань, в дом своей матери. Пани Янина рассказывала, что поначалу Беата встретила дочь холодно, особенно когда убедилась, что четыре месяца замужества не прошли для Гальшки бесплодно... Но затем Беата резко сменила гнев на милость – в её дом начали прибывать гонцы от нотаблей Польши с предложениями матримониального свойства, касаемых её дочери. И Беата поняла, что обладает поистине бесценным сокровищем – властью над покорной и испуганной девочкой, мало того, что исполняющей все её распоряжения – но вдобавок являющейся наследницей громадного состояния. На тот момент за Гальшкой числилось двадцать восемь замков и городов, пять с лишним сотен сёл, деревень, застенков и хуторов, пятьдесят тысяч тяглых и триста тысяч коп грошей ежегодного дохода. Единственное, что мешало Беате – это с каждым днем росшее пузо Гальшки. Наследник ей был не нужен...

– Пане Славомир, вы меня пугаете... Ведь с ним не случилось ничего страшного, раз вы утверждаете, что сын Гальшки выжил и сделался Северином Наливайкою?

Старый шляхтич кивнул.

– Хвала Господу, на Вознесение в Познань приехал Его Милость князь Василий. И предложил Беате по разрешению от бремени Гальшки забрать новорожденного ребёнка в Острог, пристроить в хорошую семью и растить под пристальным надзором, не оповещая об его истинном происхождении ни приёмных родителей, ни кого либо ещё.

Межевой комиссар удивлённо спросил:

– А князю Василию это было зачем?

– Пани Янина о сём умолчала, очевидно, что её не допустили до приватных бесед Его Милости князя Острожского с Беатой... Но у меня есть объяснение этому, и если желаете, я могу его изложить.

– Сделайте милость, пане Славомиру, будьте так добры. А то у меня уже голова кругом от всего того, что сегодня открылось... У Эльжбеты Острожской был сын!

– И он очень мешал её матери... Не забывайте, Его Милость князь Василий догадывался, что смерть его сводного брата не была результатом падения на рыцарском турнире... Вполне возможно, что князь Острожский точно знал, что виной тому – притирания и снадобья Беаты, коими она пользовалась умирающего мужа. И посему Его Милость всерьёз опасался за будущее ещё нерождённого сына Гальшки.

– Вы полагаете, что Беата могла...

Старый шляхтич пожал плечами.

– От воспитанницы наследницы Борджиа всего можно было ожидать. Беата отличалась удивительным небреженьем к нравам и обычаям, издревле жившим на Волыни, единственной ценностью она полагала собственные удовольствия и наслаждения, а для их удовлетворения требовались деньги. И ради денег она готова была на всё... Князь Василий видел свою невестку насквозь. И предложил ей уберечь её маёмосць без душегубства. В этом случае все оставались при своих интересах – Беата продолжала властвовать над своей дочкой, навечно похоронившей своё будущее в кровавой бойне в Лысой-над-Лабой, сын Гальшки обретал жизнь, а Его Милость князь Острожский – живую память о своем друге, бесчестно убиенном в Богемии, в лице этого мальчика. Ну а Гальшка... Гальшка обретала право на новый брак – хотя, положа руку на сердце, не думаю, что она в нём нуждалась. Пани Янина говорила, что юная княгиня так и осталась верна своему павшему мужу, и до конца своих дней звала его по ночам, мечась во сне...

Собеседники примолкли. Затем межевой комиссар спросил:

– Как я догадываюсь, младенец был отправлен на Волынь вместе с пани Яниной?

Старый шляхтич кивнул.

– Да, осенью, на Покров. У Гальшки не было молока, Беата наняла двух кормилиц, посему расставание с малышом для юной вдовы было хоть и трагическим, но все же не таким душе-раздирающим, как это бывает, когда младенца отрывают от материнской груди... Пани Янина рассказывала, что ребёнка, кормилиц, её и трех гайдуков для охраны Беата самолично отпра-вила в путь задолго до рассвета, пока Гальшка спала в своей горнице. И что было далее в доме Беаты – она не знает... Гальшку она встретила через двадцать лет, в Дубно, куда вдову князя Сангушко привёз Януш Острожский. Пани Янина, плача, призналась мне, что Гальшка не узнала свою старую няньку и вообще более походила на блаженную, ушедшую от нашего мира...

Межевой комиссар тяжело вздохнул.

– Я помню эту историю, Эльжбету несколько раз пытались выдать замуж, её мать запу-талась в своих матримониальных авантюрах и окончила жизнь в каком-то спишском замке...

– В Кежмарке. – подсказал старый шляхтич.

– Да-да, в Кежмарке, тогда как раз был очередной спор за Спиш с цесарцами...

– Спор по поводу Спиша и посейчас не окончен, но, смею заметить, после провала попытки эрцгерцога Максимилиана сесть на польский стол цесарцы согласились с тем, что Спиш польский... Но мы сейчас не об этом.

– Да, пане Славомуру, простите великодушно, просто любое упоминание о замках Спиша у меня, как у подскарбия, будит старую рану. Все же тридцать три тысячи коп пражских гро-шей – это сегодня, почитай, сто тысяч коп грошей литовских, или, если по-новому, сто два-дцать тысяч злотых, ежели личить по батериевой стопе, на эти деньги сейчас пару воеводств можно купить...

– Забудьте, пане Стасю, об этих деньгах, не для того их брал Жигимонт Люксембург, чтобы его наследники их нам вернули... Удовольствуйтесь тем, что Спиш ныне навеки поль-ский, и успокойте свою мятущуюся душу. И я продолжу, с вашего позволения...

– Да-да, пане Славомуру, явите божескую милость, продолжайте свой рассказ. Сын Эльж-беты был вывезен на Волынь, в Гусятин, как вы утверждаете?

– Так мне поведала пани Янина Лисовская, и я склонен ей верить. Иначе очень трудно объяснить, как сын какого-то гусятинского подстаросты вдруг сделался ротмистром надворной хоругви Его Милости князя Василия, обойдя многих заслуженных шляхтичей. А если добавить к этому, что настоятелем дворового храма Острожских стал Демьян Наливайко, старший брат Северина – то иного объяснения, чем скрытое родство, я придумать не в силах...

– Но почему в Гусятин? Почему не в Острог?

Старый шляхтич ухмыльнулся.

– Вы, пане Стасю, я вижу, недооцениваете Его Милость князя Василия... Хитроумие его было притчей во языцех, он упрятал сына Гальшки так, что никто и никогда его бы не нашёл, ежели б, упаси Господь, Беата решилась бы на страшное... Да к тому же Гусятин – природная крепость с погляду татарских набегов, с юга его защищает Днестр и Хотинская гряда, недоступная коннице, с востока его прикрывают притоки Днестра, текущие с полночи на полдень – Матёрка, Калюс, Даниловка, Ушица, Тернава, Смотрич – над которым стоит Камен-ец-Подольская твердыня... Да плюс Иванковицкие леса. Татарам до Гусятина было никак не добраться! Не погрешу против истины, если скажу, что Гусятин – самое защищённое место на всей Литовской Руси.

Межевой комиссар удовлетворённо кивнул.

– Убедили, пане Славомуру. Юный наследник князя Сангушко рос в тишине и неге, в безопасности и изобилии еды и питья. Но зачем Его Милость князь Острожский затем допустил, чтобы его внучатый племянник, Гедиминович по отцу и Рюрикович по матери, так

страшно сгинул в Варшаве? Зачем позволил ему поднять рокош против короля Жигимонта Вазы?

Старый шляхтич тяжело вздохнул.

– Он не допустил. Он велел Северину поднять этот рокош.

Межевой комиссар изумлённо переспросил:

– Велел!?!? Князь Острожский обрёк свою родную кровь, своего внучатого племянника, на такую жуткую смерть – по своей воле? Но почему?

– Да потому что ему его было не жалко....

Как Славомир Веренич-Стаховский сделался доверенным конфидентом Его Милости князя Василия Острожского и почему он был этому не рад...

В горнице повисла напряженная тишина – так, что стало слышно, как уныло моросит ноябрьский дождь за окном.

Подскарбий мстиславский, покачав головой, налил себе и пожилому шляхтичу мёда, подвинул кубок собеседнику – и спросил вполголоса:

– Пан Славомир, может быть, поясните свои слова? А то я уже стал плохо понимать все хитросплетения вашей истории...

Пан Веренич, покачав головой, приложился к кубку, сделал добрый глоток янтарного напитка, крикнул – и ответил:

– Что ж, поясню. Но для этого спервоначалу поведаю вам, пане Стасю, историю о рокоше Косинского, думаю, вы слышали об этой смуте?

Межевой комиссар кивнул.

– История давняя, но известная. Киевский воевода тогда погасил этот рокош, как я помню?

Пожилой шляхтич лукаво улыбнулся, в его глазах блеснули озорные искорки.

– Погасил, как не погасить... Только попервоначалу он его разжёл!

Пан Станислав изумлённо развёл руками.

– Пане Славомиру, опять вы меня изумляете! Как разжёл? Разве пан Кшиштоф Косинский не самолично поднял казаков воеводства Киевского на бунт и штурм Белой Церкви? И разве не его казаки творили разорение, глад и мор имениям Острожских?

Пожилой шляхтич кивнул.

– Так и есть, пане Стасю. Но допрежь того было много такого, о чем вы, полагаю, не ведаете. К примеру, знаете ли вы, кто был посаженным отцом на свадьбе Кшиштофа Косинского с княжной Марушей Ружинской? – и, не дождавшись ответа, добавил: – Его Милость князь Василий Острожский.

– И что с того, пане Славомиру? Мало ли кто кого женил, это справа такая...

– Согласен с вами, пане Стасю, сколько в истории примеров, когда не токмо близкие знакомцы – родня устраивала друг другу кровавые поминки... Но тут дело в другом.

– В чём же, пане Славомиру?

Пожилой шляхтич помолчал, вздохнул и ответил:

– Вы, пане Стасю, по господарству себя обременяете хлопотами, стало быть, знаете, с чего вся Волянь, а также Подолия, Киевщина, Брацлавщина и заднепровские украинны живут. Да вы и сами недавно говорили, что пшеница с Руси Литовской – едва ли не единственное, что доход Речи Посполитой питает. Так?

Подскарбий мстиславский кивнул.

– Так. Правда, на те доходы дольщикова ныне изрядно, но всё ж пшеница русских воеводств – степное золото. Не будь её – мы б уже давно по миру пошли бы.

Пожилой шляхтич удовлетворённо кивнул.

– Значит, понимаете, что поднепровские земли, на каких эту пшеницу растят, воеводство Киевское, Подолия и Брацлавщина – маёнтак изрядный.

Межевой комиссар молча кивнул. Пан Веренич продолжил:

– В тот год князь Януш Острожский, сын Его Милости князя Василия, получил привилей на владение землями по верхнему Ингульцу и Роси, исключая пустоши Ракитное и Ольшанка, всего двести волок доброго грунта и полсотни волок пойм и пастбищ. Хороший надел, но у князя Януша были планы куда шире. Ингулец, как вы знаете, впадает в Днепр уже в татарских пределах, но от устья Жёлтой и до слияния его с Саксаганью, до первых татарских застав, земли вокруг Ингульца, никак не менее тысячи волок лучших пахотных земель и полутысячи выпа-

сов и пустошей – были тогда ничьи, ни коронные, ни магнатские, ни казацкие, ни татарские. Но на эти земли – полторы тысячи волок по среднему Ингульцу – свои виды имел староста черкасский, князь Вишневецкий. Беда в том, что Его Милость король Жигимонт Ваза в своём привилее не ограничил пожалование князю Янушу с полудня – полагая, как я своим скудным разумом понимаю, что в степях тех сам чёрт ногу сломит. Ну а князь Януш, понятное дело, решил, что раз предел его владений окончательно не обозначен – то он волен трактовать этот привилей так, как ему удобно. И вот тут желания младшего князя Острожского натолкнулись на аппетиты князя Вишневецкого – так же полагавшего, что раз земли по среднему Ингульцу ничьи, то он может их взять себе.

– А Косинский тут при чём? – непонимающе посмотрел на старого шляхтича межевой комиссар.

– Косинский тут ни при чём. Косинский владел десятком волок по Роси, пустошами Ракитное и Ольшанка, но ни тяглых, чтобы их обрабатывать, ни арендаторов, которым можно было их сдать – у него не было. Пан Кшиштоф был, прошу прощения у пана, голодранцем, собакой на сене – владея землями, которые он не в силах был использовать. Посему пан Януш и счел возможным трактовать королевский привилей ... хм, как бы это правильно сказать... несколько расширенно, по своему разумению включив земли, жалованные пану Косинскому, в собственный удел. Но эти два маёнтка – были ничто по сравнению с землями по среднему Ингульцу, на которые свои виды имел князь Вишневецкий. И на которые с вожделением смотрел Его Милость князь Януш. И посему, дабы помочь своему сыну, Его Милость князь Василий и разыграл партию Косинского...

– Разыграл? – в голосе межевого комиссара сквозило изумление.

– Именно так. Как партию в шахматы. – помолчав, старый шляхтич продолжил: – Беда в том, что наш король, да хранит Господь дни Его Милости – католик из католиков, ревнитель веры и истинный паладин Святого престола; в коронных землях сие – одно лишь достоинство, но в воеводствах литовских, а особенно русских к такой ревности отношение... двоякое, мягко говоря. Вы, пане Стасю, какого вероисповедания, прошу прощения?

– Католик, пане Славомиру.

– А отец ваш, Господь да ниспошлёт ему сто лят?

– Православный. Наш род – с Гольшан, близ Крево. Отец всю жизнь прослужил державцем имения Подколоды в воеводстве Трокомском, трижды он избирался на повятовом сеймике подкоморием, и трижды же оной должности не получал – из-за православного вероисповедания своего. Посему меня он велел крестить в католическую веру – дабы я мог добиться большего.

– Что ж, вижу, не зря – в тридцать лет вы уже подскарбий мстиславский, межевой комиссар, с Москвой переговоры ведёте, глядишь, год-другой, и вы уже ключник, а то и каштелян виленский! А там и до канцлера недалеко... – в голосе пана Славомира, несмотря на показное восхищение, слышалась явная ирония.

– Пане Славомиру, мы ведь уже это обсуждали... – укоризненно бросил подскарбий мстиславский.

– Молчу, молчу, пане Стасю, более об этом ни слова! Так вот, король и великий князь наш, да хранит Господь его дни – весьма холодно относился к нотаблям православного вероисповедания, отчего-то полагая, что принадлежность к Святому престолу одна лишь дарует полное доверие. И князю Вишневецкому, католику, пусть и в первом колене – великий князь благоволил, а князю Яношу, тогда ещё православному – нет, из чего последний сделал вывод, что привилей на земли по среднему Ингульцу будет выписан на старосту черкасского. О чём Януш и не преминул сообщить родителю. Потерять право на те земли – означало потерять пятьдесят тысяч пудов пшеницы чистого доходу; позволить себе такое не могли ни Острож-

ские, ни Вишневецкие. И князь Острожский решил доказать Его Милости королю, что православные подданные ничуть не хуже католиков могут служить Короне...

Подскарбий мстиславский хмыкнул недоверчиво:

– Не хотите ли вы сказать, пане Славомиру, что рокош Косинского был задуман и совершен тщанием воеводы киевского?

– Именно так, пане Стасю.

Межевой комиссар помолчал, раздумывая, а затем спросил вполголоса:

– Положим, такое возможно, и при здравом рассуждении весьма вероятно, но откуда вам сие известно, пане Славомиру?

Пожилой шляхтич едва заметно усмехнулся.

– А откуда, пане Стасю, что я лично был нечаянным сведком разговора Его Милости князя Василя с Кшиштофом Косинским как раз накануне бунта... Впрочем, как я вижу по изумлению на вашем лице, – старый шляхтич едва заметно улыбнулся: – надобно начать с начала.

– Был бы вам очень благодарен, пане Славомиру, у меня уже голова идёт кругом от всего того, что вы уже поведали, и, как я полагаю, ещё поведаете. – Межевой комиссар покачал головой.

– Охотно. Так вот, рокош Кшиштофа Косинского, как вы, я полагаю, знаете, начался в девяносто первом году, на сочельник – с занятия воровскими шайками, нанятыми Косинским, Белой Церкви. Осенью же того года по княжеской надобности хоругвь наша стационарировала в Богуславе, где мы несли дозорную службу и ставили каменные стены в замке, который за три месяца до этого был жалован королём Янушу Острожскому. Набеги татар тогда на Киевщине были делом обыденным, и князь Януш в первую голову озаботился заменой деревянных стен и башен на каменные, а поелику обитателей в Богуславе было менее сотни дворов – строить крепостцу отправлены были казаки Острожской панцирной хоругви, которая, в отличие от надворной, могла быть отправляема из княжеского замка надолго. Обе сотни нашей хоругви попеременно то были в сторожах, отправляя разъезды на полдень вниз по Руси, то на ремонте стен Богуслава. Я тогда уже дослужился до десятского, но вместе со всеми разбирал трухлявые бревна старых стен и таскал камни и мешал глину наравне с остальным посполитым людом. Не до ранжиру тогда нам было... И вот за три дня до Покрова наш хорунжий, пан Филипп Кучиньский, шляхтич хоть и из мелкопоместных, но заслуженный воин, в битве при Торопце лично взявший в полон воеводу Дементия Черемисинова – отправил меня в Фастов, к Его Милости князю Янушу, с росписью проведенных работ и расходной грамотой по замку. Взяв тогда с собой одного лишь вестового, Янку Теробовльського, я двинулся в Фастов – полагая эту поездку наградой и избавлением от тяжких трудов. Бо, скажу вам, пане Стасю, хоть я тогда и был молод и крепок телом – но и меня каменные работы умотали донельзя... Мы с Янкой, взяв бумаги и провизии на дорогу, с рассветом выехали из Богуслава – полагая к закату быть в Фастове. Октябрь в тот год был тёплым, без дождей и навал, дорога нам была знакома – что может быть лучше для такой поездки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.